

[illegible]

Исторические сенсации

Гастон Чемберлен

**Христос не еврей, или Тайна
Вифлиемской звезды (сборник)**

«Алисторус»

2012

Чемберлен Г.

Христос не еврей, или Тайна Вифлиемской звезды (сборник) /
Г. Чемберлен — «Алисторус», 2012 — (Исторические сенсации)

Явление Христа роду человеческому более двух тысячелетий назад не поддается оценке. Можно лишь констатировать, что от этого события идет отсчет новой мировой истории. На протяжении столетий вплоть до наших дней ведутся споры о происхождении Христа. Существует множество версий, догадок, заблуждений, а то и сознательных фальсификаций. В уникальной, во многом сенсационной книге Гастона Чемберлена и Джекоба Коннера, немецкого и американского философов, на основе точных исторических фактов и древнейших источников развенчиваются многие мифы о происхождении Христа. Книга также выходила под названием «Иисус. Тайна рождения Сына Человеческого».

© Чемберлен Г., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

Гастон Чемберлен	5
Явление Христа	5
Религия опыта	7
Будда и Христос	10
Будда	12
Христос	14
Галилеяне	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Гастон Чемберлен, Джекоб Коннер

Христос не еврей, или

Тайна Вифлеемской звезды

Гастон Чемберлен

Явление Христа

Явление Христа

Перед глазами нашими стоит яркое, несравненное явление, образ, переданный нам по наследству от наших отцов. Без полного понимания этого явления нельзя измерить и правильно оценить историческое значение христианства. А между тем в настоящее время, вследствие исторического развития Церковей образ Христа скорее затемнен и отодвинут вдаль, а не раскрыт перед нашими взорами. Смотреть на этот образ сквозь призму церковного учения, ограниченного местом и временем, – значит добровольно надеть на глаза шоры и ограничиться узкой меркой по отношению к божественному, вечному. Церковные догматы едва касаются образа Христа – они все так отвлечены, что не представляют никакой опоры ни для ума, ни для чувства; к ним применимы вообще слова бл. Августина о Святой Троице: «Говорится, однако, о трех лицах не потому, чтобы что-либо высказывалось, а только чтобы не молчать» («Dictum est tamen tres personae, non ut aliquid diceretur, sed ne taceretur»). Конечно, мы не имеем намерения нарушить должное уважение, если скажем: не в Церквях заключается могущество христианства, а единственно и исключительно в источнике, откуда сами Церкви черпают всю свою силу: в образе распятого Сына Человеческого.

Итак, явление Христа на земле надо отделить от всего исторического христианства.

И что значат наши девятнадцать веков для сознательного усвоения подобного события, для переворота, проникшего во все слои человечества и в корни изменившего существующие мировоззрения? Подумать только, что понадобилось более двухтысячелетий, чтобы строение космоса, математически доказуемое и наглядно изображаемое, стало прочным всеобщим достоянием человеческого знания! Но разве не легче совладать с рассудком, вооруженным зрением и непогрешимой формулой $2 \times 2 = 4$, нежели со слепым, омраченным себялюбием сердцем? И вот рождается Человек и Своею жизнью производит полный переворот в нравственном мирозерцании: взгляды на нравственное значение человека, на отношения личности к самой себе, на отношения ее к другим и окружающей природе получили небывалое до тех пор освещение, так что все побуждения, все идеалы, мечты и надежды пришлось преобразовать и перестроить на новых началах! И думают, что огромное дело может завершиться в несколько веков! Думают, что этого можно было достигнуть всяческими недоразумениями, ложью, политическими интригами и вселенскими соборами, приказами безмерно честолюбивых королей и алчных пап, тремя тысячами томов схоластических рассуждений, религиозным фанатизмом ограниченных крестьянских душ, благородным рвением единичных лучших людей, войной, убийствами и кострами, сводами гражданских законов и общественной нетерпимостью? Я, со своей стороны, думаю, что это невозможно. Напротив, по моему убеждению, мы еще далеки, очень далеки от того момента, когда возрождающая сила явления Христа в полной мере повлияет на цивилизованное человечество. Если б наши Церкви в их теперешней форме погибли, то тогда христианская идея выступила бы еще ярче. Христианство еще находится во младенче-

стве, перед нашими робкими взорами едва брезжит его полный расцвет. Кто знает, не настанет ли день, когда кровавую церковную историю первых XVIII веков будут рассматривать как летопись злых детских недругов христианства? Рассматривая явление Христа, не будем затемнять наше суждений никакими историческими обманами, а тем более преходящими современными взглядами. Будем уверены, что от этого наследия мы до сих пор получили лишь незначительную долю, и если мы хотим узнать, какое значение оно имеет для всех нас – христиан и евреев, верующих и неверующих, все равно, сознаем мы это или не сознаем, – то заткнем себе пока уши и среди хаоса вероисповеданий не будем слушать богохульств, позорящих человечество: обратим взор свой вверх, на несравненное явление всех времен.

В этой главе я не могу избежать необходимости рассмотреть критически многое, составляющее «рассудочную основу» различных религий. Но так как я оставляю нетронутым то, что таю как святыню в своем собственном сердце, то надеюсь, что не оскорблю чувств всякого другого разумного человека. Историческое явление Христа вполне можно отделить от присущего ему сверхъестественного значения – точно так же можно заниматься физикой на чисто материалистическом основании, не думая при том свергать метафизику с ее трона. О Христе, конечно, трудно говорить, не касаясь время от времени загробной жизни; однако самой веры как таковой все-таки нет надобности затрагивать, и если я в качестве историка рассуждаю логически и убедительно, то готов принять все те возражения, какие читатель почерпнет не из своего разума, а из своего сердца. Сознавая это, я буду говорить в следующей главе так же чистосердечно, как и в предыдущей.

Религия опыта

Религиозные верования более двух третей всех обитателей земли связаны в настоящее время с существованием на земле двух людей: Христа и Будды, – людей, живших всего двадцать веков тому назад о которых исторически доказано, что они действительно жили и что предания, о них повествующие, сколько бы они ни содержали вымышленного, шаткого, неясного, противоречивого, все-таки точно передают главные черты их исторической жизни. Но даже и без этого надежного результата научных исследований XIX века люди прозорливые и здравомыслящие не сомневались в действительном существовании этих двух великих нравственных героев; ибо хотя историко-хронологический материал о них крайне скуден и недостаточен, однако их нравственная и духовная индивидуальность так лучезарно стоит перед глазами, и эта индивидуальность так несравненна, что ее нельзя было выдумать. Дар вымысла у человека тесно ограничен – творческий дух может работать только имея данные. Гомер вынужден был возвести людей на Олимп, ибо то, что видел и переживал в действительности, ставило предел его творческой фантазии. Если он изображает своих богов во вполне человеческих образах; если он не позволяет своей фантазии блуждать в невероятном, недоступном воображению (ибо никогда не виданном); если он, напротив, сдерживает эту фантазию, чтобы употребить ее силу целиком для изображения наглядных образов, то это только доказывает его духовное превосходство. Мы не в состоянии выдумать новую форму даже растения или животного – при подобных попытках нам разве удастся выдумать какого-нибудь уродца из составных частей всевозможных уже известных созданий. Напротив, неистощимо изобретательная природа постоянно показывает нам все новое и новое, когда ей вздумается; и это новое потом становится в нашем сознании так же неискоренимо, как прежде было неизобретаемо. Будду, а тем более Иисуса Христа не могла выдумать никакая творческая человеческая сила ни единичной личности, ни целого народа – нигде мы не находим тому ни малейшего указания. Никакой поэт, никакой философ, никакой пророк не мог и во сне измыслить подобного феномена.

Правда, часто упоминают о Платоне в связи с Иисусом Христом. Имеются целые книги, трактующие о мнимом соответствии между тем и другим – говорят, будто греческий философ был провозвестником нового учения о спасении. Неужели же господа ученые считают нас за дураков? Разве эллинский рационализм не становится тем суше, чем выше он возносится? Ведь люди были более всего далеки от всякой религии, от всякой возможности действовать на жизнь облагораживающим образом именно в тот момент, когда лучшие представители даровитейшего народа спорили между собой насчет необходимых свойств души (автономная, родственная с божеством и т. д.), когда они выставляли людям как идеал «идею о добре», тождественную с «идеей о прекрасном», и тому подобный вздор – плоды ума, сбитого с толку по той причине, что он стремился к невозможному? Ведь каждому ясно, что Платон достигает наибольшей высоты там, где он касается жизни, – в своем «Федре», своем «Пире», своем «Федоне»? А Сократ! Остроумный изобретатель грамматики и логики, честный проповедник филистерской морали, благородный болтун афинских гимназий, разве он не представляет во всем контраст с божественным Проповедником «царствия Божия, принадлежащего нищим духом»? В Индии также мало предчувствовали явление Будды, там тоже его образ не был вызван, как по волшебству, одною силою желаний. Все подобные предположения принадлежат к обширной области пустых историко-философских умствований. Если бы Христос и христианство являлись исторической необходимостью, как утверждает неосхоласт Гегель, то мы увидели бы появление не одного Христа, а целой тысячи; хотелось бы мне знать, в каком столетии явление Христа не было бы столь же необходимым, как хлеб насущный? О Христе пишет Шлегель («*Philosophie der Geschichte*», Th. III A. 3 глава 2): «Он родился, как человек, в отвлеченной субъективности, но так, что брэнность есть лишь форма Его явления, а сущность и содержание составляют

скорее бесконечность, абсолютное бытие в себе. Природа Божия быть чистым духом раскрывается человеку в христианской религии. Что же такое дух? Это то единое, равное самому себе, бесконечное, чистая тождественность, которая вторично отделяет себя от себя, как повторение самого себя, как бытие для себя и в себе против общего. Это отделение уничтожается однако тем, что атомистическая субъективность как простое отношение к себе есть это самое общее, с самим собою тождественное». Что скажут грядущие века на такое пустословие? Две трети XIX века считали однако эту абракадабру высшей мудростью.

Итак, оставим в стороне такие соображения, страдающие бессилием мысли, – они способны только затемнить и изгладить единственное решающее и продуктивное значение живой, индивидуальной несравненной личности. Кстати вспоминается великое слово Гёте:

*Высшее счастье детей земли
Есть только личность!*

Правда, среда, окружающая личность, знакомство с местом и временем ее существования дает ценные данные для ясного понимания этой личности; путем такого исследования мы научаемся различать важное от неважного, характерно индивидуальное от местно-условного; то есть это поможет нам еще яснее понимать личность. Объяснить же ее, пытаться доказать ее как логическую необходимость – это праздная, глупая затея; каждый образ, даже образ какого-нибудь жука, есть «диво» для человеческого рассудка, человеческая же личность – есть высочайшая тайна бытия (*mysterium magnum*), и чем более критика очищает великую личность от всяких примесей и легенд, чем больше ей удастся доказать, что каждый из ее поступков, так сказать, вытекает из природы вещей, тем еще необъяснимее становится чудо. Вот каков результат критики, занимавшейся в XIX столетии жизнью Иисуса. Наш век принято называть нерелигиозным; однако никогда еще (после первых веков христианства) интерес людской не сосредоточивался так страстно на личности Иисуса Христа, как за последние 70–80 лет; сочинения Дарвина – при всей их широкой распространенности – распродавались в десять раз медленнее, чем произведения Штрауса и Ренана. И окончательным результатом было то, что действительная земная жизнь Иисуса Христа приобретала все более и более конкретный образ; и все яснее и яснее сознавалось, что само возникновение христианской религии в конце концов следует отнести к беспримерному впечатлению, произведенному этой личностью на окружающую среду и внедрившемуся в нее. И теперь определеннее, чем когда-либо, и поэтому непостижимее, чем когда-либо, стоит перед нами это грандиозное явление.

Вот что мне хотелось установить прежде всего. Все направление нашего времени таково, что мы способны воспламеняться только конкретным, живым. В начале XIX столетия было иначе – романтизм бросал тень во все стороны, поэтому и вошло в моду все и вся объяснять в мифическом смысле. В 1835 году Давид Штраус последовал примеру, который видел вокруг себя, и предложил в качестве «ключа» (!) к Евангелиям понятие о мифе¹. Ныне всякий поймет, что этот мнимый ключ не что иное, как новое туманное перефразирование проблемы, все-таки

¹ Что Штраус не имел понятия о том, что такое миф, что означает мифология – что видно из его обращения с народными мифами, поэзией и легендами, сваленными в одну кучу, – это опять-таки другой вопрос. В позднейшие времена даже не поймут, как мог иметь успех такой пустой, хотя и ученый, но лишенный всякого творческого духа продукт, каковы были произведения Штрауса. Как пчелы и муравьи нуждаются в целых когортах бесполой работников в своих государствах, так, по-видимому, и мы, люди, тоже не могли обойтись без трудолюбия и кратковременного далеко хватающего влияния подобных улов, отмеченных печатью бесплодия (подобных тем, которые так пышно расцветали в середине XIX столетия). С одной стороны, под влиянием историко-критических исследований, а с другой – под влиянием усиливающейся склонности обращать главное внимание не на богословское и второстепенное, а на живое и решающее чувствуется, что мифологическая точка зрения Штрауса – нечто мертворожденное, так что сочинения этого честного человека наводят зевоту. Но, несмотря на то, нельзя не признать, что такие люди, как он и Ренан, совершили великое дело, привлекая внимание тысячелетий на великое чудо явления Христа, и тем подготовили аудиторию для более солидных мыслителей и прозорливых ученых.

остающейся неразрешенной, и что не какое-нибудь «понятие», а единственно Существо, действительно жившее на земле, исключительное, ни с чем несравнимое обаяние Его личности, какого еще никогда не испытывал свет, дает ключ к рождению христианства. Чем больше обнаруживалось балласта, с одной стороны, в виде псевдомифического (вернее, псевдоисторического), легендарного материала, а с другой – в форме философско-догматических умозрений, тем больше жизненной силы должно признать за первоначальной движущей и созидающей причиной. Новейшая строго философская критика доказала несомненную глубокую древность Евангелий и подлинность рукописей, которыми мы располагаем; удалось проследить именно первые времена христианства строго исторически, почти шаг за шагом; но все это с точки зрения общечеловеческой гораздо менее важно, чем тот факт, что благодаря этим результатам образ Богочеловека выдвинут на передний план, так что и верующий и неверующий уже не могут не признавать Его центральным пунктом и источником христианства в самом широком смысле этого слова.

Будда и Христос

Я уже раньше сопоставлял Будду и Христа. За последние тысячелетия ядро религиозных представлений у всех наиболее одаренных человеческих рас (за единственным исключением небольшой еврейской семьи, с одной стороны, и их антиподов – браманских индийцев – с другой) зиждется не на потребности объяснения вселенной, не на мифологической символике природы или на мечтательном трансцендентизме, а исключительно на опыте великих характеров. Правда, среди нас еще носится химера «религии разума»; за последние годы зашла даже речь о «замене религии чем-то высшим», и новоиспеченные «поклонники Вотана» во время солнцеворота приносили жертвы на вершинах гор в известной местности Германии; но ни одно из этих движений до сих пор не обладало ни малейшей частичкой силы, способной перевернуть мир. Идеи бессмертны – я уже не раз повторял это и скажу еще, – а у таких личностей, как Будда и Христос, идея – именно известное представление о человеческом бытии – достигает такого живого воплощения, идея эта переживается так полно, так ясно выступает перед глазами всех и каждого, что она никогда уже не может исчезнуть из человеческого сознания. Иной, пожалуй, никогда не видел Распятого, иной, может быть, пройдет мимо этого явления, у тысяч людей, даже из числа нас, недостает того, что можно бы назвать внутренним чутьем, чтобы заметить это явление; но если кто хоть раз узрел Иисуса, хотя бы сквозь густое покрывало, тому уже нельзя забыть Его: не в нашей власти изглаживать пережитое из нашего сознания. Человек христианин не потому, что он воспитан в той или другой Церкви, и не потому, что он хочет быть христианином, но он христианин потому, что должен быть им; ни суета мирская, ни бред себялюбия, никакие умствования не смогут изгладить из его души раз виденный образ Страстотерпца. Христос накануне Своей смерти на вопрос учеников Его о значении Его поступков отвечал им: «Я дал вам пример». Вот значение не только того или другого из Его поступков, но и всей Его жизни и Его смерти. Даже такой строгий церковник, как Лютер, пишет: «Пример Господа нашего Иисуса Христа – в то же время таинство; Он силен в нас и не только действует, как действуют на нас примеры отцов, но и поучает, дает жизнь, воскресение и избавление от смерти».

Мировое могущество Будды основано на подобном же начале. Истинный источник всякой религии есть, повторяю, у большинства ныне живущих людей не учение, а жизненный пример. В силах ли мы по своей немощи следовать примеру – это другой вопрос. Но идеал сияет перед нами ясный, несомненный и уже целые века действует с несравненной силой на помышления и поступки людей, даже и неверующих.

Но об этом я скажу в другом месте. Если я коснулся Будды именно теперь, когда меня занимает единственно вопрос о явлении Христа, то сделал это в особенности потому, что благодаря сравнениям данный образ выступает еще ярче. Но сравнение должно быть подходящее, и кроме Будды я не знаю во всемирной истории другого лица, которое можно бы приравнять к Христу. Обоим свойственно божественное величие, оба воодушевлены желанием указать человечеству путь к спасению, оба представляют собой личности неслыханной мощи. И все-таки, если поставить эти две фигуры рядом, то нельзя провести между ними параллели, а можно только подчеркнуть контраст между ними.

Христос и Будда – две противоположности. Сближает их одна общая черта – возвышенный дух; из него проистекала жизнь, не имеющая равной, а из жизни – огромное захватывающее влияние, какого еще не видывал свет. В остальном же их разделяет почти все, и не буддизм, который за последние годы распространяется в некоторых слоях европейского общества, якобы в теснейшем единении с христианством и переступая даже за его пределы, есть лишь новое доказательство широко распространяемой поверхностности общественной

мысли. Жизнь и учение Будды представляют, однако, полный контраст с учением и жизнью Христа, то, что диалектик называет антитезой, а физик – противоположным полюсом.

Будда

Будда – это исторический исход культуры, достигшей пределов своего знания. Высоко образованный, могущественный властелин сознает ничтожество своего образования и своей власти. Он обладает тем, что все считают высшим благом, но в глазах праведного все это достояние тает и обращается в ничто. Индийская культура, возникшая из мечтательной созерцательности пастушеской жизни, со всей энергией своего дарования ударилась в развитие односторонней человеческой склонности комбинирующего разума; притом всякая связь с окружающим миром – наивная наблюдательность, практически-деловой утилитаризм – почти совершенно исчезли, по крайней мере, у образованных людей; все было систематически основано на развитии мыслительной способности. Каждый образованный юноша знал на память слово в слово целую литературу такого тонкого мыслительного содержания, что в настоящее время немногие европейцы в состоянии вместить его; самый отвлеченный способ представления конкретного мира – геометрия – был для индийцев вполне осязателен; зато они погрузились в головоломную арифметику, выходящую за пределы всякой представляемости. Тот, кто серьезно задавался вопросом о цели своей жизни, тот, кому дано было от природы стремиться к высшей цели, – тот находил, с одной стороны, религиозную систему, в которой символика выросла до чудовищных размеров, так что требовалось 30 лет, чтобы в ней разобраться, а с другой – философию, ведущую на такие головокружительные высоты, что кто хотел взобраться на последние ступени этой небесной лестницы, тот должен был навек удалиться от света в глушь безмолвных девственных лесов. Здесь, очевидно, уже не имели никаких прав ни глаза, ни сердце. Как знойный ветер пустыни, пронесся дух отвлеченности над всеми другими склонностями богатой человеческой натуры, все иссушая, все опалая. Чувства, конечно, еще оставались: тропически горячие похоти; с другой стороны – отрицание всего мира чувств, а в промежутка ничего, никакого компромисса – открытая война, война между человеческим знанием и человеческой природой, между мышлением и бытием. И вот Будда должен был возненавидеть то, что любил, – детей, родителей, жену, все прекрасное и радостное в жизни. То были покровы, заволакивающие знание, путы, привязывавшие его к суетной лживой жизни. И зачем ему вся эта браминская премудрость? Жертвенные церемонии, никому не понятные, исключительно символические, которые сами жрецы признавали не имеющими значения для человека знания, вдобавок «искупление путем познания», доступное разве одному из ста тысяч? Так Будда отринул от себя не только свое царство и свое знание, но вырвал из своего сердца все, что еще связывало его как человека в людском обществе, любовь и надежду, разрушил в то же время и веру отцов своих в божественность мироздания и отверг как праздную химеру даже ту высшую идею индийской метафизики – идею о едином Боге, неизреченном, вне пространства и времени, следовательно, недоступном разуму и только чувствуемому им. Ничего нет в жизни (таков был опыт, вынесенный Буддой и, следовательно, и его учение), ничего нет в жизни, кроме «страдания»; единственное, к чему стоит стремиться, – это избавление от страдания; избавление это и есть смерть, погружение в небытие. Но каждый индиец верил как в нечто очевидное и даже не подлежащее сомнению в переселение душ, то есть в непрекращающееся возрождение одних и тех же индивидуумов. Итак, «спасение» дарует не обыкновенная смерть, а только та смерть, за которой не следует возрождения; и эта спасительная смерть может быть достигнута единственно тогда, когда человек умирает уже при жизни, по частям, то есть если он отсекает от себя и уничтожает все, что привязывает его к жизни, – любовь, надежду, желания, собственность, словом, как мы бы выразились в наше время вместе с Шопенгауэром, если он отрицает волю к жизни. Когда человек живет такой жизнью, когда он превращает себя в блуждающий труп еще раньше, чем умрет, тогда жнец-смерть не получает готовых семян для возрождения. Умереть живым – вот эссенция буддизма. Жизнь Будды можно назвать живым

самоистреблением. Это самоубийство в его высшем выражении. Будда живет единственно и исключительно для того, чтобы умереть, чтобы окончательно и безвозвратно истребить себя, погрузиться в нирвану, в ничто.

Христос

Какая резкая противоположность с образом Христа, смерть Которого означает вступление в жизнь вечную! Во всем мире Христос видит действие божественного Промысла: ни единая малая птица не упадет на землю, ни один волос не упадет с головы человека без воли Отца Небесного. Христос далек от того, чтобы считать ненавистной эту земную жизнь, переживаемую по воле Божией и под Его всевидящим оком. Он почитает ее как путь к вечности, как узкие ворота, через которые мы вступаем в царствие небесное. А что такое это царствие небесное? Нирвана? Воображаемый рай? Купленная награда за дела, содеянные на земле? Ответ на это дает Христос в одном слове, которое, несомненно, сохранено для нас в подлинном виде, так как оно раньше никем не было произнесено и, очевидно, не было понято никем из его учеников, а тем менее выдуманно, – это слово на таких могучих крыльях опередило медленное развитие человеческого знания, что смысл его до сих пор еще понятен не всем (я уже говорил выше, что наше христианство еще в младенчестве). Итак, Христос сказал: «Не придет царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот: царствие Божие внутри нас есть».

Это то, что сам Христос называет «тайной»; ее нельзя обнять словами, ее нельзя доказать умозрительно; далее Спаситель старается пояснить Своим слушателям великое дело спасения при помощи притч: «Царствие Божие подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его»; «царство небесное подобно закваске, которую женщина, взявши, положила в три меры муки». Но всего яснее такой образ: «Еще подобно царствие небесное сокровищу, скрытому в поле». Что поле означает мир – это ясно из слов Христа (см. Матфея XIII, 38); в мире, то есть в этой жизни, лежит сокровище скрытое: царствие Божие внутри нас! Это и есть тайна царствия Божия, как говорит Христос; в то же время это есть тайна Его собственной жизни, тайна Его личности. Отрешения от жизни (как у Будды) Христос отнюдь не проповедует, а проповедует изменение направления жизни, если можно так выразиться; ведь Христос говорит Своим ученикам: «Истинно говорю вам, если вы не обратитесь, вы не войдете в царствие небесное». Позднее это столь наглядное, осязаемое обращение получило, быть может, от чужой руки более мистическое выражение: «Если кто не родится вновь, тот не увидит царствия Божия». Но дело не в словах, а единственно в представлении, лежащем в основе, а это представление лучезарно предстает у нас перед глазами, ибо оно заключает в себе всю жизнь Христа.

Здесь мы не находим (как у Будды) учения, математически, как $2 \times 2 = 4$, и логически развитого одно из другого; не находим также, как часто утверждали поверхностные люди, какого-либо органического соприкосновения с еврейской мудростью: стоит лишь прочесть Иисуса сына Сихарова, которого чаще всего привлекают для сравнения, и задаться вопросом: разве этот дух тот же самый? У Сираха, этого еврейского Марка Аврелия, даже самые прекрасные изречения, напр.: «Стремись к правде до самой смерти, и Бог защитит тебя», или: «В устах глупых сердце их, уста же мудрых – в сердце их», – звучат точно из другого мира, если сравнивать их со словами Христа: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю; блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».

Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня; ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим. Ибо иго Мое благо и бремя мое легко».

Так никто еще не говорил раньше, никто не говорил и после. Эти слова Христа вовсе не имеют, как видите, характера поучения, но подобно тому, как звук голоса дополняет то, что мы знаем из черт лица, из поступков человека, прибавляя что-то неуловимое, непередаваемое, самую суть его личности, так и тут нам кажется, что в этих словах Христа мы слышим Его

голос; что Он сказал, в точности мы не знаем, но какой-то несомненный, незабвенный звук поражает наше ухо и оттуда проникает в сердце. И вот, открыв глаза, мы видим этот образ, эту жизнь! Через пространство веков мы слышим слова: «Научитесь от Меня», – и понимаем теперь, что это должно означать: быть таким, каким был Христос; жить, как жил Христос; умереть, как умер Христос, – вот царство небесное, вот жизнь вечная.

В наше время, когда понятия о пессимизме и отрицание воли стали ходячими, их часто применяли к Христу; но они подходят только к Будде, а для некоторых явлений христианских Церквей и их догматов жизнь Христа есть отрицание их самих. Если царство Божие внутри нас, если небо, как скрытое сокровище, лежит зарытое в этой жизни, то при чем тут пессимизм? Как может быть человек существом жалким, родившимся только для горя, если в груди его скрыто божество? Как может свет быть наихудшим, какой только возможен (см. Шопенгауэра «Мир как воля и представление»), если в нем заключается небо? Для Христа все это были ложные выводы; Он говорил: «Горе вам, книжники, что затворяете царство небесное человекам; ибо сами не входите и желающих войти не допускаете!» И славил Бога за то, что Он открыл младенцам то, что утаил от мудрых и разумных. Христос, по выражению одного из великих людей XIX века, был не мудрецом, а Богом; это огромная разница, и потому именно, что Он был божественным, Христос не отвращался от жизни, а напротив, обращался к ней. Это красноречиво подтверждается впечатлением, произведенным Христом на все окружающее; Его называют деревом жизни, хлебом жизни, водой живою, светом жизни, светом мира, светом, свыше ниспосланным, как светильник, тем, кто пребывает во тьме и мраке смерти; для них Христос есть камень краеугольный, почва, на которой мы должны построить жизнь свою, и т. д. Все это положительно, позитивно, утвердительно. Воскрешал ли Христос мертвых? Пусть в этом сомневаются те, кому угодно; тем выше скептик должен оценить то животворное впечатление, которое исходило из этого образа, ибо куда Христос ни шел, всюду казалось, что видишь мертвых воскресшими, больных исцеленными и подымающимися со своих одров. Всюду отыскивал Он страждущих, бедных, обремененных горем и говорил им: «Не плачьте!» – утешал их и дарил им слова жизни.

Идеал монашеской жизни в Средней Азии, где он хотя и не основал буддизма, однако дал ему могущественную поддержку, проник в непосредственную близость Галилеянина; однако где же видано, чтобы Христос проповедовал учения монастырские, враждебные миру? Многие основатели религий налагали на себя и учеников своих бичевание плоти в отношении пищи; Христос же – нет; Он, напротив, особенно подчеркивает, что Он не постился, как Иоанн, а жил так, что о Нем люди говорили: «Вот человек, который любит поесть и пить вино». Все другие выражения из Библии, сделавшиеся ходячими – «Помыслы людские суетны»; «жизнь человеческая – суета сует: она проходить, как тень»; «все поступки людские тщеславны» и т. д. – все они заимствованы из Ветхого Завета, а не из Нового. Да, такие изречения, как слова Соломоновы («Одно поколение проходит, другое приходит, земля же остается вечной»), исходят из мирозерцания, прямо противоречащего мирозерцанию Христа. Он говорил, напротив, что небо и земля преходящи, тогда как только в груди людской сокрыто единое вечное. Правда, Христос дает нам пример безусловного отвращения от многого, что наполняет жизнь большинства; но это делается ради самой жизни;

это отклонение и есть тот «поворот», о котором сказано, что он ведет в царство небесное, – он отнюдь не внешний, а чисто внутренний. То, чему учит Будда, в известной степени физический процесс – это фактическое умерщвление плоти и духа в человеке: кто хочет быть спасен, тот должен исполнить три обета: целомудрия, бедности и послушания. У Христа мы не находим ничего подобного: Он присутствует на брачных пирах, объявляет брак священным учреждением Божиим, а грехи плоти судит так снисходительно, что даже для жены-прелюбодейки не находит слов проклятия; правда, Он считает богатство одним из препятствий к упомянутому перевороту в направлении воли: богатому, говорит Он, труднее войти в царство

небесное, что находится внутри нас, чем верблюду пройти сквозь игольное ушко; однако тотчас же прибавляет (и это самое характерное и решающее): «что невозможно людям, возможно Богу». Это опять-таки одно из мест, которые нельзя было изобрести, ибо нигде целом мире мы не видим ничего подобного. Обличений против богатства бывало много и раньше (стоит прочесть еврейских пророков); впоследствии они повторялись (см. послание Иакова); для Христа, однако, богатство есть нечто совсем внешнее, обладание им может и быть и не быть помехой, — для него весь вопрос исключительно и единственно в том, чтобы совершилось внутреннее превращение. Позднее именно этот самый случай прекрасно поясняется самым значительным из апостолов: если Христос посоветовал богатому юноше: «Иди, продай свое имущество и раздай бедным», то апостол Павел дополняет эти слова замечанием: «И если бы я роздал все свое имущество нищим и не имел любви, то это не принесло бы мне пользы». Кто направляет путь свой к смерти, тот может довольствоваться бедностью, целомудрием и послушанием; кто же избирает жизнь, у того другое на уме.

Здесь необходимо обратить внимание еще на один пункт, в котором ярко и убедительно сказывается все жизненное, заключающееся в явлении и примере Христа. Я говорю о боевом духе. Слова Христа о смирении, терпении, Его завет любить врагов и благословлять ненавидящих встречают почти равноценные поучения у Будды: по они проистекают, однако, из совершенно другого мотива. Для Будды каждая вынесенная обида есть умерщвление, для Христа — средство споспешествовать новому воззрению на жизнь. «Блаженны гонимые правды ради, ибо их есть царство небесное» (то царство небесное, которое, как сокровище, лежит зарытое на поле жизни). Если же мы перейдем во внутреннюю область, если выставляется единый основной вопрос о направлении воли, тогда мы слышим совсем иные слова: «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение. Ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех: отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей. И враги человеку — домашние его. Не мир пришел Я принести, а меч!» Вот тон, который может ускользнуть от нашего внимания, если мы хотим понять явление Христа.

Жизнь Иисуса Христа — открытое объявление войны не против форм цивилизации, культуры и религии, которые Он видел вокруг Себя (Он соблюдает еврейские религиозные законы и учит: «Отдайте кесарево кесарю, а Божие — Богу»), а против внутреннего духа людей, против побудительных причин, из которых вытекают их действия, против цели (даже и загробной), которую они себе наметили. Явление Иисуса Христа означает, с мировой исторической точки зрения, возникновение новой породы людской. Линней различал столько человеческих рас, сколько существует окрасок кожи; новая окраска воли еще глубже проникает в организм, чем различие пигмента наружной кожи! И Господин этой новой человеческой расы, «новый Адам», как Его превосходно называешь Писание, ничего не хочет знать ни о каких уступках; Он прямо ставит на выбор: Бог или маммона. Кто изберет поворот, кто внемлет велению Христа: «Следуйте за Мной!» — тот должен даже, если понадобится, покинуть отца и мать, жену и детей, но не для того, чтобы обрести смерть, как делают ученики Будды, а для того, чтобы обрести жизнь. На этом пункте совершенно прекращается жалость: кто потерял — тот потерял, и с античной жестокостью геройских натур люди не роняют ни единой слезы, чтобы оплакивать потерянных: «Предоставьте мертвым хоронить своих мертвецов». Не всякий способен уразуметь слова Христа; Он и говорит: «Много званых, но мало избранных». И тут опять апостол Павел поясняет эту мысль с обычной силой: «Слово о кресте для погибающих есть безумие, а для нас, спасаемых, — сила Божия». Наружно Христос мирится со всякой, с любой формой; но когда дело коснется направления воли, устремляется ли она к вечному или к преходящему, споспешествует ли она раскрытию неизмеримой жизненной силы внутри человека или же подавляет ее, направлена ли она к оживотворению того царства Божия, что внутри нас, или, наоборот,

засыпает навыки это единственное сокровище «избранных» – тогда уже у Христа нет речи ни о какой терпимости, да и не может быть. В XVIII столетии много старались о том, чтобы лишить возвышенный образ Сына Человеческого всех Его энергичных черт. Нам рисовали какой-то обманчивый образ безграничной терпимости, какой-то благодушной пассивности, выдавая это за христианство, – получалась какая-то молочная религия, разбавленная водою. В последние годы происходили даже «религиозные конгрессы всех вероисповеданий», на которых священники всего мира братски подавали друг другу руки, и многие христиане приветствовали это как нечто особенно «христианское». Быть может, это в самом деле нечто прекрасное с церковной точки зрения; но Христос не присылал своего апостола на подобный конгресс. «Или слово о кресте безумие, или же оно сила Божия»; между этими двумя альтернативами сам Христос раскрыл бездну разъединения, и чтобы уничтожить всякую возможность перекинуть через нее мост, исторгнул пламенный меч. Кто понимает явление Христа, тот не может этому удивляться. Терпимость Христа есть терпимость духа, который высоко парит над всеми формами, разделяющими мир; слияние этих форм могло бы иметь для Него самое малое значение, оно было бы просто образованием новой формы; для Него, напротив, имеют значение единственно «дух и истина». И когда Христос учит: «И если кто ударит тебя в правую щеку, подставь и левую; если кто у тебя возьмет рубашку, отдай ему и верхнее платье»,

– учение, которое навеки подтвердил Его пример на кресте, то всякий увидит, что это тесно связано с последующим: «Любите врагов ваших, творите добро ненавидящим вас»,

– и что здесь выражается тот внутренний «поворот», но не пассивный, а в возможно высокой форме жизненных поступков. Если я подставляю дерзкому оскорбителю свою левую щеку, то сделаю это не ради него; если я люблю врага своего и оказываю ему beneficia, то делаю не ради него; после поворота моей воли мне иначе невозможно поступать. Старый закон «око за око», «ненависть за ненависть» – точно такое же естественное рефлексивное движение, как и подергивание ног у мертвой уже лягушки, когда прикоснутся к их нерву. Очевидно, «новый Адам» настолько забрал власть над «старым Адамом», что уже не повинуется этому принуждению. Однако здесь не простое самообладание, ибо если Будда является противоположностью Христу, то другой противоположностью является стоик. Но этот поворот воли, это вступление в скрытое царство Божие, это рождение вновь – все, что составляет сумму примера Христа, – обуславливает в действительности полный переворот ощущений. В этом-то и заключается это «новое». До Христа кровавая месть была священным законом у различных рас; но Распятый восклицал: «Отец, прости им, ибо не ведают, что творят!» И кто примет божественный голос сострадания за слабый гуманизм, тот, значит, не понял ни единой черты из явления Христа. Голос, который здесь слышится, звучит из того царства Божия, что скрыто внутри нас; страдания и смерть потеряли над ним силу; они так же мало трогают человека, родившегося вновь, как удар в щеку или же грабительское похищение одежды; об эту волю разбивается, как легкая морская пена о гранитную скалу, все, что понуждает, мучит и угнетает человека-полуобезьяну: себялюбие, суеверие, пристрастие; зависть, ненависть. Перед лицом смерти Богочеловек едва замечает Свое собственное страдание и тоску; Он видит только, что люди пригвождают к кресту все божественное, что в них заключается, что они попирают ногами семена царства небесного, что они засыпают мусором сокровище в поле, и, полный сострадания, восклицает: «Они не ведают, что творят!» Ищите во всей мировой истории, и вы не найдете другого слова, подобного этому по своей возвышенности. Здесь говорит разум более дальновидный, чем индийский; в то же время здесь звучит могучая воля, уверенное самосознание.

Подобно тому, как мы, люди последнего века, открыли силу, которая лишь по временам проявлялась в легких облаках в виде молнии, скрытую силу, невидимую, не ощущаемую никаким чувством, не объяснимую никакой гипотезой, тем не менее вездесущую и всемогущую, и теперь намереваемся на основании этой силы внести полный переворот в наши внешние жизненные условия, так и Христос указывал на силу, скрытую в глубине неизведанного

и неприступного мира человеческой души, силу, способную совершенно переродить самого человека, способную из жалкого, обремененного страданием существа сделать сильное, блаженное. Молния всегда была исключительно разрушительницей; сила же, на открытие которой навела нас молния, служит отныне мирному труду и благосостоянию; точно так же и человеческая воля искони была семенем всякого зла и горя, постигавшего род человеческий, а теперь она должна служить к перерождению этого поколения, к возникновению новой человеческой породы. Отсюда проистекает, как я уже говорил, несравненное мировое историческое значение жизни Христа. Никакая политическая революция не может сравниться с этой.

С точки зрения мировой истории можно провести параллель между подвигом Христа и подвигами древних греков. В первой главе я объяснил, в какой степени можно рассматривать Гомера, Сократа, Платона и др. как истинных «творцов» и к этому прибавил: тогда лишь родилось вполне новое существо, тогда лишь микрокосм содержит микрокосм. Единственное, что заслуживает названия культуры, есть дочь такой творческой свободы. Что сделал греческий мир для разума, то Христос сделал для нравственной жизни: только через Христа человечество приобрело нравственную культуру – или, вернее, возможность нравственной культуры; ибо культурный момент и есть то внутреннее творческое событие, добровольный и властный поворот воли; а между тем именно этот момент остался, за немногими исключениями, совершенно незамеченным; христианство стало по преимуществу исторической религией, и у алтарей ее церквей находили себе приют все суеверия древности и еврейства. И все-таки явление Христа остается единственной основой всякой нравственной культуры, и сообразно с тем, насколько глубоко проникает это явление, настолько и нравственная культура наших народов складывается более или менее благоприятно.

В связи с этим можно сказать, что явление Христа на земле раскололо все человечество на два класса. Оно первое создало настоящий аристократизм – истинный аристократизм по рождению, ибо только тот, кто избран, может быть христианином. В то же время оно кинуло в сердца своих избранных зародыш нового горького страдания: оно разлучило их с отцом и матерью, заставило бродить одинокими среди людей, которые не понимали их, отметило их печатью мучеников. И кто же вполне господин? Кто поборол вполне свои рабские инстинкты? Внутренний разлад стал отныне терзать душу человека. До сих пор он в суете жизненной борьбы едва пришел к познанию своего «я», а теперь получил негаданно высокое представление о своем достоинстве, о своем внутреннем значении и силе. Как часто должен был этот самый человек чувствовать в душе своей полное крушение от своего бессилия и негодности! Теперь только жизнь стала поистине трагической. И это благодаря свободному действию человека, восставшего против своей собственной животной натуры. Из совершенного питомца природы человек превратился в несовершенное нравственное существо, из счастливого орудия он стал «злополучным художником», как говорит Шиллер. Но человек уже не хочет быть орудием, и как Гомер создавал себе богов, каких хотел, так и человек теперь возмутился против нравственной тирании природы и создал себе возвышенную мораль, какую сам пожелал; он не хочет более повиноваться слепым побуждениям, хотя бы они были ограждены и обуздываемы статьями закона, – он хочет слушаться только своего собственного нравственного закона.

В Христе человек пробуждается к сознанию своего нравственного призвания, в то же время, однако, и к необходимости внутренней войны, уже длящейся целые тысячелетия. Мы вместе с Кантом вступили наконец на этот путь после многовекового антихристианского перерыва. «Возвращение к природе», – так думали антихристианские гуманисты и деисты XVIII столетия. О нет! Освобождение от природы, без которой мы ничего не можем делать, но которую мы, однако, решили подчинить себе.

В противоположность природе человек сознает самого себя существом интеллектуальным – в области искусства и философии; существом общественным – в браке и законе и существом нравственным – во Христе. Он вступает в борьбу. И тогда уже недостаточно одного

смирения: кто хочет следовать за Христом, тому нужно прежде всего мужество – мужество в чистейшем его виде, то неустанно воспламеняющееся, закаляемое внутреннее мужество, которое обнаруживается не только в одуряющем шуме битвы, но проявляется в терпении и выносливости и в безмолвной, безропотной ежечасной борьбе с рабскими инстинктами в собственной груди. Пример налицо. Ибо в явлении Христа мы находим возвышенный пример героического мужества. Моральное геройство здесь так высоко, что мы проходим почти без внимания мимо физического мужества, обыкновенно столь прославляемого у героев; несомненно, только геройские души могут быть христианами в истинном смысле этого слова, только «господа, а не рабы». Когда Христос говорит: «Я кроток», – то мы, конечно, принимаем, что это кротость героя, уверенного в победе, а когда Он говорит: «Я смирен сердцем», – то мы знаем, что это не смирение раба, а смирение господина, который от полноты своей силы снисходит к слабому.

Когда к Иисусу однажды обратились, называя Его не просто Господом или Учителем, а «Учитель благий», Он отверг это название: «Что зовете меня благим: никто не благ, только один Бог». Эти слова должны заставить призадуматься и убедить нас, как ошибочно всякое представление о Христе, где на первый план выдвинута небесная благость, кротость, долготерпение, – они не составляют основу Его характера, а являются как бы благоухающими цветами на могучем дереве. Что было основой всемирного могущества Будды? Не его учение, а его пример, его геройский подвиг; этот-то подвиг, это проявление нечеловеческой силы воли привлек к нему миллионы людей и продолжает привлекать до сих пор. У Христа же проявилась еще более возвышенная воля. Ему не нужно было бежать от мира, Он не избегал прекрасного, Он даже поощрял употребление драгоценного мирра, тогда как Его ученики называли это «рассточительностью»; Он не удалялся в пустыню, но из пустыни выступил в жизнь, как победитель, с провозглашением «радостной вести» – не о смерти, а о спасении! Я уже сказал, что Будда означает старческий исход из пережитой, вступившей на ложный путь культуры; Христос, наоборот, означает зарю нового дня: Он завоевал старому человечеству новую юность, Он стал Богом юных, свежих индоевропейцев и под знаменем Своего Креста постепенно насадил на развалинах ветхого мира новую культуру, над которой нам еще долго придется работать, чтобы она когда-нибудь, в далеком будущем, заслужила название «христианской».

Галилеяне

Если б я послушался внушения своего сердца, я провел бы здесь заключительную черту этой главе. Но в интересах позднейших объяснений необходимо рассматривать явление Христа не только во всей Его чистоте, освобожденной от всего окружающего, но также и в Его отношениях к этому окружающему. Иначе будут непонятны многие важные явления из прошлого и настоящего. Вовсе не безразлично, получим ли мы путем строгого анализа точное понятие насчет того, что в этом образе заключалось еврейского и нееврейского. На этот счет с самого начала христианской эры и поныне всюду, от низших слоев интеллектуального мира и до самых высших, царила страшная путаница. Людям было трудно постигнуть столь возвышенный образ и обозреть его органические отношения к среде. Но, кроме того, все сходилось точно нарочно, чтобы стереть и подделать его истинные черты: этому способствовали особенности еврейской религии, сирийский мистицизм, египетский аскетизм, эллинская метафизика, затем также и римские государственные и жреческие предания, к тому же еще суеверие варваров, всякие недоразумения и всякие недомыслия. В XIX веке много занимались распутыванием этого вопроса, однако, насколько мне известно, никому еще не удалось выделить немногие важные пункты из массы фактов и выяснять их перед всеми. Мы попытаемся здесь – правда, без учености, но беспристрастно – исследовать, насколько Христос принадлежал к своей среде и ее воззрениям, насколько Он разнился от нее и высоко парил над ними. Только таким путем удастся высвободить от всяких случайностей личность Христа в ее цельном, независимом достоинстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.